

Рудольф Штайнер

ДУХОВНАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС Из GA 34

Опубликовано в журнале «Люцифер-гнозис» в 1905 г.

Разрешенный автором перевод (при перепечатке существенно отредактирован, но, естественно, требуется более тщательная выверка по немецкому оригиналу, ибо перевод был явно некачественный).

Издательство “Духовное Знание”, Москва 1917.

В 1905-1906 годах Рудольф Штейнер опубликовал в журнале «Люцифер» три статьи под заголовком «Теософия и социальный вопрос», известные сегодня как «Духовная наука и социальный вопрос». Незадолго до начала нового столетия Рудольф Штейнер приехал в Берлин в качестве редактора «Magasins für Literatur». С 1899 по 1904 он преподает в основанной Вильгельмом Либкнехтом школе для рабочих, а с 1902 года становится генеральным секретарем немецкой секции теософского общества. Поводом для статей стала публикация Г.Л. Данкмара («Состояние культуры в Европе в связи с новым пробуждением оккультизма», Лейпциг 1905 г.), в которой автор отмечает появление теософии и одновременно ставит вопрос о том, что это течение принесло с собой для решения социальных проблем современности. Изначально было запланировано большее число статей, но, по-видимому, интерес теософских читателей был столь незначителен, что после выхода третьей статьи Штейнер прекращает публикацию, и эта тема поднимается вновь лишь много позднее.

Кто в настоящее время открытыми глазами смотрит на окружающий мир, тот видит, как везде могущественно встает перед ним то, что называют “социальным вопросом”. Всякий, кто относится к жизни серьезно, обязан, так или иначе, составить себе определенное мнение в этом вопросе, и само собой понятно, что образ мышления, выдвинувший высочайшие идеалы человечества, обязан определиться по отношению к социальному вопросу. Таким образом мышления для настоящего времени хочет быть теософия, и поэтому вполне естественно, если спрашивают о ее отношении к этому вопросу.

Сначала, однако, может создаться такое впечатление, будто теософия не может сказать в этом направлении ничего особенного. Действительно, одной из ее самых отличительных и характерных черт признается прежде всего углубление душевной жизни и пробуждение взора для духовного мира, и даже те, кто лишь бегло ознакомятся с ее идеями, получающими распространение благодаря теософским ораторам и писателям, при непредвзятом наблюдении смогут признать это ее стремление. Труднее усмотреть, что это стремление имеет в настоящее время практическое значение, и в особенности нелегко прояснить до самоочевидности его связь с социальным вопросом. Чем могут помочь социальным бедствиям, - спросит иной, - ученые, толкующие о “перевоплощении”, “карме”, “сверхчувственном мире”, “происхождении человека”, и т.п.? Подобное направление мышления уносится, по-видимому, прочь от всякой действительности в далекие заоблачные выси, между тем как в настоящее время человеку необходимо собрать

все свое мышление, чтобы быть на высоте задач, которые ставит перед ним земная действительность.

Из всех различных мнений, неизбежно возникающих в настоящее время относительно теософии, отметим здесь два. Первое состоит в том, что на нее смотрят, как на порождение безудержной фантазии. Вполне естественно, что существует такое воззрение, и оно менее всего могло бы показаться непонятным для теософа. Все разговоры в окружающей его среде, все происходящее вокруг него, все, что доставляет людям удовольствие и радость, все это может показать ему, что он говорит пока еще на прямо-таки нелепом для многих языке. При таком понимании своего окружения у него должна быть, конечно, безусловная уверенность, что он стоит на правильном пути. Иначе он едва ли сможет устоять, уяснив себе всю противоположность своих представлений образу мыслей стольких других людей, принадлежащих к числу просвещенных и мыслящих. Но, обладая надлежащей уверенностью, зная истинность и силу своих воззрений, он скажет себе: да, я очень хорошо знаю, что в настоящее время на меня могут смотреть как на фантаста, и мне понятно, почему это так; но истина должна оказать свое действие, хотя бы над ней смеялись и глумились, и ее воздействие зависит не от ходячих мнений о ней, а от ее глубокой и прочной основы.

Другое мнение, которое приводят против теософии, заключается в том, что, хотя ее мысли прекрасны и приносят удовлетворение, однако они имеют значение только для внутренней душевной жизни, а не для практической жизненной борьбы. И даже те, кто жаждет теософской пищи для удовлетворения своих духовных запросов, легко могут впасть в искушение сказать себе: да, но о том, как прийти на помощь социальной нужде, материальному бедствию, об этом весь этот круг мыслей все же не может дать никакого разъяснения. Но именно это мнение как раз основано на полном непонимании действительных фактов жизни, и, прежде всего, - на недоразумении относительно плодов теософского образа мыслей.

Почти все, без исключения, спрашивают: чему учит теософия? Как можно доказать то, что она утверждает? И плодов ее ищут в чувстве удовлетворения, которое можно почерпнуть из этих учений. Это, конечно, совершенно понятно, ибо сначала необходимо ощутить истинность утверждений, которые мы встречаем в теософии. Но истинного плода теософии нельзя искать в этом, ибо этот плод проявляется лишь тогда, когда мы с теософским образом мыслей приступаем к задачам практической жизни, и вопрос в том, поможет ли нам теософия с большей проницательностью овладеть этими задачами и осмысленно искать средства и пути к их разрешению? Кто хочет действовать в жизни, должен сперва понять жизнь, - вот в чем суть дела. До тех пор, пока мы не идем дальше вопроса, зачем учить теософию, мы можем находить это учение слишком "высоким" для практической жизни. Но когда мы обратим внимание на то, какому воспитанию подвергаются благодаря этому учению мышление и чувство, тогда мы перестанем выдвигать подобные возражения. И как бы это ни казалось странным для поверхностного взгляда, однако это совершенно верно, что обитающие, по-видимому, в воздушных замках теософские мысли развивают в нас зрение для правильного ведения повседневной жизни, и теософия изоцряет понимание социальных вопросов как раз тем, что она сначала возводит дух в светлые выси сверхчувственного. Как бы это ни казалось противоречивым, это все-таки верно.

Покажем на примере, что мы под этим подразумеваем. В последнее время появилась чрезвычайно интересная книга, озаглавленная "Рабочим в Америке". Автор ее, правительственный советник Кольб, вздумал провести в Америке несколько месяцев в качестве простого рабочего. Таким путем ему удалось приобрести о людях и о жизни

суждения, которых не дали ему ни образование, приведшее его к званию правительственного советника, ни опыт, полученный им в этой должности и во всех занимаемых им прежде должностях. Итак, он был в течение долгих лет на сравнительно ответственном посту, но только покинув его и проживя короткое время в далекой стране, он узнает жизнь с такой стороны, что он пишет в своей книге следующие, заслуживающие внимания, строки: “Как часто прежде, видя здорового человека, просящего милостыню, я с моральным негодованием спрашивал: почему этот бездельник не работает? Теперь я понял это. В теории это выглядит иначе, чем на практике, поэтому даже с самыми безотрадными категориями национальной экономики можно орудовать очень удобно за письменным столом”.

Мы не хотим, однако, вызвать здесь ни тени недоразумения. Человек, заставивший себя покинуть благополучные жизненные условия и встать на тяжелую работу в пивоварне и велосипедной фабрике, заслуживает полнейшего признания. Необходимо сначала как можно сильнее подчеркнуть высокую оценку этого поступка, чтобы не подумали, будто мы хотим высказать порицание этому человеку. Но для каждого, кто хочет видеть, безусловно ясно, что все образование, все науки, пройденные этим человеком, не дали ему никакого суждения о жизни.

Попробуйте только уяснить себе, что мы, собственно, утверждаем, когда говорим: можно научиться всему, что делает человека в настоящее время способным занимать сравнительно высокие руководящие должности, и при этом стоять очень далеко от жизни, на которую требуется воздействовать. Разве это не то же самое, как если бы человек обучался бы в какой-нибудь школе постройке мостов, и затем, приступив к постройке настоящего моста, ничего не понимал бы в этом деле? Однако нет, это не совсем так. Кто плохо подготовился для постройки мостов, тот скоро убедится в этом своем недостатке, как только он приступит к практическому выполнению: он окажется негодным работником и получит всюду отказ. Но недостатки того, кто плохо подготовил себя для деятельности в социальной жизни, не могут так скоро проявиться. Плохо построенный мост обвалится, и самому пристрастному человеку будет тогда ясно, что строитель был никуда не годен. Но промахи в социальной деятельности сказываются только в том, что от этого страдают другие люди, и связь этого страдания с допущенным промахом не так легко заметить, как отношение между обвалом моста и негодным строителем.

Да, скажут нам, но какое же отношение имеет все это к теософии? Уж не полагает ли теософ, что его учения доставили бы советнику Кольбу лучшее понимание жизни? Какая польза была бы ему знать о “перевоплощении”, “карме” и всяких “сверхчувственных мирах”? Ведь никто же не решится утверждать, что идеи о планетарных системах и о высших мирах были бы способны предохранить упомянутого Кольба от необходимости в один прекрасный день признаться себе, что “даже с самыми безотрадными категориями национальной экономики можно орудовать еще очень удобно за письменным столом”.

И вот, теософ может действительно ответить, как это сделал однажды Лессинг: “Я готов быть этим “никто”, я именно это и утверждаю”. Но только не следует понимать это в таком смысле, будто всякий, знакомый с учением о “перевоплощении” или о “карме”, может, тем самым, развивать правильную общественную деятельность. Это, конечно, было бы наивно. Дело идет, разумеется, не о том, чтобы всякому, кому предназначено стать правительственным советником, указывали на “Сокровенное Учение” Блаватской вместо того, чтобы отсылать его в университет к Мюллеру, Вагнеру или Brentano, а о том, будет ли экономическая теория, исходящая от теософа, такую, что с ней удобно орудовать за письменным столом, но что она окажется негодной в действительной жизни?

Но именно негодной-то она и не будет. Ибо в каком случае теория оказывается несостоятельной перед жизнью? Когда она создана мышлением, не прошедшим жизненной школы. Но учения теософии являются в такой же мере действительными законами жизни, в какой учения об электричестве бывают законами для фабрики электрических аппаратов. Ибо кто хочет устроить такую фабрику, должен сперва усвоить себе истинное учение об электричестве. И кто хочет действовать в жизни, должен сперва изучить законы жизни. Сколь далеко отстоят учения теософии от жизни по видимости, столь же близки они ей в действительности. Поверхностному взгляду они кажутся отчужденными от мира, при истинном же понимании они открывают жизнь.

В “теософские круги” удаляются не из простого любопытства, чтобы получить там всевозможные “интересные” сообщения о потусторонних мирах, но чтобы упражнять свое мышление, чувствование и воление на вечных законах природы и затем выступить в жизнь и ясным, светлым взором охватывать эту жизнь. Теософские учения – это путь, ведущий к жизненному мышлению, суждению и ощущению. Теософское движение только тогда будет на правильном пути, когда люди ясно поймут это. Правильное действие вытекает из правильного мышления; и неправильное действие вытекает из ошибочного мышления или из отсутствия мыслей. Кто вообще хочет верить, что в социальной области можно сделать что-нибудь доброе, тот должен допустить, что от его человеческих способностей зависит сделать это доброе. Вникать в теософские идеи – это значит повышать свои способности для социальной деятельности. В этом отношении дело идет не только о том, какие мысли воспринимаем мы благодаря теософии, но и о том, что делаем мы благодаря ей из нашего мышления.

Конечно, следует признать, что в самих теософских кругах заметно еще не слишком много работы именно в этом направлении. И нельзя также отрицать, что как раз поэтому лица, стоящие вдали от теософии, все еще имеют полное основание сомневаться в вышеприведенных утверждениях. Но нельзя забывать, что теософское движение в своей теперешней форме еще только начинает развивать свою деятельность. Его дальнейшее развитие будет состоять в том, что оно войдет во все практические области жизни. И тогда выяснится, например, относительно “социального вопроса”, что вместо теорий, “с которыми удобно орудовать за столом”, выступают такие, которые одарят ум способностью непредвзято рассматривать жизнь, а волю направят на такую деятельность, в результате которой возникает благо и счастье для других людей.

Многие скажут, пожалуй, что как раз в случае Кольба ссылка на теософию оказывается излишней, - необходимо лишь, чтобы люди, готовящиеся к какому-нибудь призванию, не ограничивались одним изучением своих теорий на учебной скамье, но чтобы они соприкасались с жизнью и наряду с теоретическим получили бы также и практическое обучение, ибо как только Кольб оглянулся на жизнь, для него оказалось достаточно его прежних знаний, чтобы прийти к другим взглядам, чем какие у него были раньше. Нет, этого мало, так как недостаток /знаний/ лежит глубже. Если человек видит, что с недостаточным предварительным образованием он может строить только такие мосты, которые обваливаются, то тем самым он еще далеко не приобрел способности строить такие, которые не обвалятся. Для этого ему надо предварительно запастись действительно плодотворным образованием.

Разумеется, как бы несовершенны ни были наши теории об основных законах жизни, достаточно только взглянуть на социальные условия, чтобы уже не говорить больше при встрече с безработным “почему бездельник не работает?”, - из самих условий можно понять, почему он не работает. Но разве мы тем самым уже научились тому, как перестроить эти условия на благо людей? Без сомнения, все эти благонамеренные люди,

которые предлагали нам свои планы улучшения человеческой участи, рассуждали не так, как советник Кольб до своей поездки в Америку. Все они ведь и до подобной экспедиции были убеждены, что далеко не от всякого, кому приходится плохо, можно отделаться словами “Почему бездельник не работает?” Но разве от этого все их предложения социальных реформ являются плодотворными? Нет, они не могут быть таковыми хотя бы уже потому, что они так многообразно противоречат друг другу. И поэтому мы будем вправе сказать, что, пожалуй, и положительные реформаторские планы советника Кольба после его обращения не смогут иметь особенно плодотворного действия. В этом и состоит заблуждение нового времени, что каждый считает себя способным понять жизнь, хотя бы он и не изучал раньше основных законов жизни и не воспитал предварительно своего мышления, чтобы видеть истинные силы жизни.

Но теософия воспитывает нас к здоровому рассмотрению жизни, ибо она проникает до основ жизни. Еще недостаточно видеть, что обстоятельства повергают человека в неблагоприятные жизненные положения, в которых он гибнет: надо узнать силы, благодаря которым создаются благоприятные условия. А этого наши ученые экономисты не могут сделать по той простой причине, почему нельзя делать математических вычислений, не зная таблицы умножения. Напишите перед таким человеком сколько угодно рядов чисел: созерцание их не принесет ему никакой пользы. Поставьте человека, ничего не понимающего мышлением своим в основных силах социальной жизни, лицом к лицу с действительностью, и он, быть может, превосходно опишет то, что он видит, - но о том, как переплетаются социальные силы: ко благу или к бедствию людей, - об этом он ничего не сможет заключить.

В наше время необходимо понимание жизни, приводящее к истинным источникам жизни, и таким пониманием жизни может быть теософия. Если бы все, желающие составить себе представление о том, в чем заключаются “социальные нужды”, прошли бы сначала через теософское учение о жизни, тогда мы сделали бы шаг вперед. Возражение, что наши теософы только говорят, а не действуют, столь же мало значит, как и другое возражение, что ведь и теософские мнения не были еще проверены на деле и, следовательно, могут оказаться точно такой же пустой теорией, как и экономика господина Кольба. Первое возражение отпадает по той причине, что “действовать”, разумеется, нельзя до тех пор, пока человечеству заграждены все пути к действию. Пусть знаток детской души отлично знает, что нужно делать отцу для воспитания своих детей, но он не может “действовать”, если отец не пригласил его в воспитатели. В этом отношении следует терпеливо ждать, пока “речи” теософов не прояснят понимания тех, которые имеют власть “действовать”. И это совершится.

Второе возражение имеет не больше смысла, и оно вообще может быть сделано только людьми, не знакомыми с основной сущностью теософских истин. Кто знаком с ними, тот знает, что они возникают совсем иным образом, чем то, что “проверяется на деле”. Законы человеческого блага так же верно запечатлены в глубочайшей основе человеческой души, как и таблица умножения. Надо лишь достаточно глубоко опуститься в эти основы человеческой души. Конечно, можно сделать наглядным то, что таким образом запечатлено в душе, как можно сделать наглядным и “дважды два – четыре”, разложив четыре боба на две кучки, по два боба в каждой. Но кто же станет утверждать, что истину “дважды два – четыре” следует прежде проверить на бобах? В действительности дело обстоит так: кто сомневается в теософской истине, тот еще не познал ее, подобно тому, как сомневаться в “дважды два – четыре” может только тот, кто этого еще не узнал. И как бы ни отличались между собой эти две истины, - потому что последняя так проста, а первая так сложна, - в другом отношении они все же сходны. Конечно, этого не может понять тот, кто сам пока еще не проник в теософию. Поэтому-то

для незнакомого с теософией нельзя привести никакого “доказательства” для этого факта. Можно только сказать: познакомьтесь сначала с теософией, и вы уясните себе также и все это.

Глубокое призвание теософии в наше время обнаружится, когда она сделается закваской во всей жизни. До тех пор, пока этот путь в жизни еще не может быть проведен в полном смысле слова, до тех пор люди теософского образа мыслей находятся только в начале своей деятельности и до тех пор им придется также выслушивать упреки, что их учения враждебны жизни. Да, они враждебны ей, как была враждебна железная дорога тому жизненному укладу, который признавал “истину” только за почтовой повозкой. Они враждебны ей, как будущее враждебно прошлому.

Два противоположных воззрения существуют теперь относительно “социального вопроса”. Одно видит причины хорошего и плохого в социальной жизни больше в людях, другое – главным образом, в условиях, в которых живут люди. Сторонники первого мнения стараются поднять духовный и физический уровень людей и их моральное чувство; склоняющиеся же ко второму воззрению озабочены, напротив, прежде всего тем, чтобы улучшить условия их жизни; они говорят, что когда люди будут жить сносно, тогда их уровень и их нравственное ощущение сами собой поднимутся выше. Едва ли можно отрицать, что второй взгляд получает ныне все большее распространение. Если особенно настаивать на первом воззрении, то во многих кругах это будет сочтено даже за совсем отсталый образ мыслей. В этих кругах скажут, что кто с раннего утра до позднего вечера вынужден бороться с самой горькой нуждой, тот не может развивать своих моральных и духовных сил. Дайте ему сперва хлеба, прежде чем говорить ему о духовных предметах.

Относительно таких устремлений, как теософское, последнее утверждение особенно легко обостряется в упрек, и подобные упреки делаются вовсе не худшими людьми нашего времени. Они говорят: “Настоящий теософ неохотно спускается с даваханических и камических долин на нашу землю. Он лучше выучит десяток санскритских слов, чем ознакомится с тем, что такое поземельная рента”. Это можно прочесть в недавно появившейся интересной книге Ленкмара “Культурное положение Европы при возрождении современного оккультизма”.

Обычно этот упрек облачают в следующую форму. Указывают на то, что в наше время семьи в восемь человек зачастую бывают скучены в одной комнате, где недостает даже воздуха и света, и им приходится посылать детей в школу в таком состоянии, что те еле держатся на ногах от слабости и голода. И затем говорят: не следует ли всем, кто озабочен развитием масс, направить все свои усилия на устранение подобных условий? Вместо того, чтобы направлять свое мышление на учения о высших мирах, им следовало бы направить его на вопрос, как устранить социальные бедствия? “Пусть теософия спустится из своего ледяного одиночества вниз к людям, к народу; пусть она серьезно и правдиво поставит этическое требование всеобщего братства во главу своей программы, и пусть она действует согласно этому требованию, не заботясь о последствиях; пусть она превратит в социальное дело слова Христа о любви к ближним, и она будет и останется драгоценным, непреходящим достоянием человечества”. Так гласит вышеупомянутая книга.

Люди, выставляющие такое возражение против теософии, делают это с лучшими намерениями, и приходится даже признать, что они совершенно правы относительно многих, занимающихся теософскими учениями: без сомнения, между ними немало таких, которые заботятся только о своих собственных духовных потребностях и хотят только узнать что-нибудь о “высшей жизни”, “об участи души после смерти”, и т.д. И есть,

конечно, доля правоты и за теми, которые говорят, что в настоящее время важнее развивать общепользную деятельность, любовь к ближним и заботу о благе людей, чем воспитывать в отчуждении от мира, в одиночестве, какие-то дремлющие в душе высшие способности. Те, кто стремится прежде всего к последнему, могут показаться людьми утонченного себялюбия, для которых собственное их душевное благо стоит выше человеческих добродетелей. Нередко приходится также слышать указания на то, что духовными исканиями в роде теософских могут интересоваться только те, которым “хорошо живется”, и которые поэтому могут отдавать таким вещам свое “праздное время”, но того, кто с утра до вечера принужден за жалкую плату исполнять тяжелую работу, не следует кормить речами о единстве всего человечества, о “высшей жизни” и тому подобным.

Вполне верно, конечно, что и сами теософы немало грешат в указанном направлении. Но не менее верно и то, что, при правильном понимании, теософская жизнь должна привести каждого отдельного человека к добродетелям самоотверженной работы и общепользной деятельности. Во всяком случае, теософия никому не может помешать быть таким же хорошим человеком, как другие, ничего не знающие или не желающие знать в теософии. Но все это по отношению к “социальному вопросу” не составляет еще самого главного. Чтобы проникнуть к этому главному, необходимо нечто большее, чем полагают противники теософских исканий. Следует без дальних слов признать вместе с этими противниками, что при помощи тех средств, которые предлагаются с разных сторон для улучшения социального положения людей, может быть достигнуто многое. Одна партия хочет этого, другая того, - многое из таких партийных требований вскоре окажется химерой для того, кто мыслит ясно, но многое содержит в себе, конечно, и ценное ядро.

Роберт Оуэн (1771-1858), - несомненно, один из благороднейших социальных реформаторов, - всегда подчеркивал все снова и снова, что человек определяется тою средою, в которой он вырастает, и что характер человека образуется не им самим, а жизненными обстоятельствами, в которых он развивается. Нет никакой нужды оспаривать то очевидно верное, что содержат в себе эти слова. Не надо также встречать их презрительным пожиманием плеч, хотя они действительно сами собой понятны. Нужно, напротив, прямо признать, что многое может стать лучше, если в общественной жизни будут руководствоваться такими положениями. Но поэтому теософия и не станет никого удерживать от участия в деятельности, способствующей человеческому прогрессу и направленной на то, чтобы в духе вышесказанного создать лучший удел для угнетенных и нуждающихся классов человечества.

Но только теософия должна пойти глубже.

Дело в том, что решительного успеха никогда нельзя будет достичь подобными средствами. Кто не согласен с этим, тот еще не уяснил себе, откуда происходят те жизненные условия, в которых живут люди. Поскольку жизнь человека зависит от этих условий, они созданы самими людьми. Иначе кто же установил такой порядок, благодаря которому один богатеет, а другой беден? Разумеется, тоже другие люди. То обстоятельство, что эти “другие люди” жили по большей части прежде тех, которым живется теперь хорошо или плохо в этих условиях, это ведь ничего не меняет в положении вещей. Страдания, налагаемые на людей самой природой, имеют для социального положения только косвенное значение. Эти страдания должны быть уменьшены или вовсе устранены человеческой деятельностью. Если не делается необходимых шагов в этом направлении, то вина лежит все-таки лишь на человеческих учреждениях. Основательное знание вещей учит нас, что все зло, о котором по праву можно говорить как о социальном, происходит тоже от человеческих поступков. И если не

отдельный “человек”, то, во всяком случае, все человечество является в этом отношении “кузнецом своего счастья”.

Это верно; но столь же достоверно и то, что в более широком объеме ни одна сколь нибудь значительная часть человечества, ни одна каста или класс, не причиняет страдания другой части со злым умыслом. Все, что утверждают в этом направлении, основывается просто на недостатке понимания. Хотя это, в сущности, самоочевидная истина, ее все же следует высказать, ибо, несмотря на то, что эти вещи легко понимаются рассудком, в практической жизни люди не всегда ведут себя в согласии с ними. Всякому эксплуататору своих ближних было бы, конечно, приятнее всего, если бы жертвам его эксплуатации не приходилось страдать. Люди продвинулись бы гораздо дальше, если бы не только находили это самоочевидным, но и действительно соотносили с этим свои ощущения и чувства.

Да, но что же следует из подобных утверждений? – так, без сомнения, возразят нам иные с “социальным образом мыслей”, - Уж не должен ли эксплуатируемый относиться благожелательно к своему эксплуататору? Не слишком ли понятно, что первый ненавидит последнего и из ненависти становится в то или иное партийное отношение к нему? Это было бы, конечно, очень плохим рецептом, - скажут нам далее, если бы мы вздумали увещевать угнетаемого относиться с любовью к своему угнетателю, в духе, например, изречения великого Будды: “Ненависть побеждается не ненавистью, но только любовью”.

И, тем не менее, только такое мировоззрение, которое примыкает к этой точке зрения, приводит в настоящее время к действительно социальному мышлению, и здесь-то именно и начинается теософский ход мыслей. Он не может оставаться на поверхности понимания, но должен проникать глубже. Поэтому он не может оставаться на простом указании, что бедствие создается теми или иными обстоятельствами, но должен проникнуть к единственно плодотворному знанию того, чем созданы и продолжают создаваться подобные обстоятельства. И перед этими более глубокими вопросами большинство социальных теорий оказываются именно пустыми теориями, если даже не пустыми разговорами.

Пока мы, с нашим мышлением, остаемся на поверхности, до тех пор мы приписываем обстоятельствам и вообще всему внешнему совершенно ложную власть. В действительности эти обстоятельства суть только выражение нашей внутренней жизни. И подобно тому, как человеческое тело понятно только тому, кто знает, что оно является выражением души, так и правильно судить о внешних учреждениях в жизни может только тот, кто уяснит себе, что они ни что иное, как создания человеческих душ, воплощающих в них свои ощущения, воззрения и мысли. Обстоятельства, в которых мы живем, созданы самими людьми, и мы никогда не создадим лучших, если не будем исходить из других мыслей, воззрений и ощущений, чем те, которые были у людей, создававших эти обстоятельства.

Разберем это в отдельности. Внешне легко может показаться угнетателем тот, кто ведет роскошную жизнь, кто может ездить по железной дороге в первом классе, и т.д. Угнетенным же покажется тот, кто носит плохую одежду и принужден ездить в четвертом классе. Но вовсе не нужно быть человеком безжалостным или реакционером или т.п., чтобы ясно понять следующее. Я никого не угнетаю тем, что ношу ту или иную одежду, но – только тем, что слишком мало вознаграждаю рабочего, изготовляющего для меня ту или иную одежду. Бедный рабочий, покупающий себе свою плохую одежду за дешевую цену, в этом смысле находится по отношению к своим ближним в совершенно таком же положении, как и богач, заказывающий себе хорошую одежду. Безразлично, богат я или

беден: приобретая вещи, недостаточно оплачиваемые, я все равно являюсь эксплуататором. Собственно говоря, в настоящее время никому не следовало бы называть другого угнетателем: пусть он только оглянется на самого себя, и, если он сделает это достаточно честно, он скоро откроет “угнетателя” и в себе. Разве твоя работа оплачивается недостаточно только одним богатым? Нет, тот, кто сидит рядом с тобой и вместе с тобой жалуется на угнетение, получает работу из рук твоих на точно таких же условиях, как и богатый, против которого вы оба выступаете. Нужно только это хорошенько продумать, и тогда мы найдем другие точки опоры для социального мышления, нежели общепринятые.

Прежде всего, поразмыслив в этом направлении, мы ясно поймем, что надо совершенно отделить друг от друга понятия “богатого” и “эксплуататора”. Богат ли кто или беден в настоящее время, это зависит от его личных практических способностей, или от способностей его предков, или от ряда других вещей. И то обстоятельство, что человек является эксплуататором рабочей силы другого, не имеет к этому никакого отношения, по крайней мере, непосредственного. Но кое к чему другому это имеет весьма большое отношение, а именно, к тому, что наши учреждения построены на личном своекорыстии.

Нужно очень ясно отдать себе отчет в этом, иначе мы придем к самому превратному пониманию того, о чем здесь говорится. Когда я теперь приобретаю себе одежду, то в существующих условиях кажется вполне естественным, чтобы я приобретал ее как можно дешевле. Это значит, что я имею при этом в виду только самого себя. Но тем самым мы обозначаем и ту точку зрения, которая господствует над всей нашей жизнью.

Однако, здесь нам легко могут возразить. Могут сказать: но разве социально мыслящие партии и лица не стремятся как раз к тому, чтобы устранить это зло? Разве они не стремятся к охране “труда”? Не требуют ли рабочие классы и их сторонники повышения заработной платы и ограничений рабочего времени? Выше уже было сказано, что с точки зрения современности отнюдь ничего нельзя возразить против подобных требований и мероприятий. Но, разумеется, мы не становимся вместе с тем и на сторону тех или иных существующих партийных требований. В частности, с той точки зрения, о которой тут идет речь, не имеет никакого смысла становиться на ту или иную сторону “за” или “против”, ибо это находится, прежде всего, совершенно вне теософского способа рассмотрения.

Можно вводить сколько угодно улучшений для охраны какого-нибудь рабочего класса и этим, конечно, много содействовать поднятию жизненного уровня той или другой человеческой группы, - но сущность эксплуатации от этого не смягчится, ибо она зависит от того, что человек приобретает себе продукты работы другого с точки зрения собственной пользы. Безразлично, имею я мало или много, но если я пользуюсь тем, что имею, для удовлетворения моего своекорыстия, то это неизбежно связано с эксплуатацией другого. И если я даже охраняю его труд, продолжая оставаться на этой точке зрения, то я оказываю этим только видимость пользы. Ибо, если я оплачиваю работу другого дороже, то и он должен за это также оплатить дороже мою, иначе улучшением положения одного будет вызвано ухудшение положения другого.

Поясним это еще и другим примером. Покупая фабрику для того, чтобы получить от нее возможно больше дохода, я постараюсь получить рабочие силы по возможно более низкой цене, и т.д. Все, что я сделаю в связи с этим, будет сделано под углом зрения моей личной пользы. Если же, напротив, я покупаю фабрику с намерением возможно лучше обеспечить 200 человек, тогда все мои мероприятия примут другую окраску. Практически в настоящее время второй случай, конечно, не очень много будет отличаться

от первого. Но это зависит исключительно от того, что отдельный бескорыстный человек может сделать не слишком много в таком обществе, которое в остальном построено на своекорыстии. Но дело обстоит бы иначе, если бы бескорыстная работа была всеобщей.

Человек “практический”, конечно, подумает, что одним только “добрым образом мыслей” вряд ли кто-нибудь сможет помочь своим рабочим достичь лучших условий оплаты труда, потому что благожелательным отношением нельзя повысить доход от своих товаров, а без этого нельзя также создать и лучших условий для рабочего. Но дело в том, что необходимо понять совершенную ошибочность этого возражения, ибо все интересы, а вместе с тем и все жизненные условия изменяются, когда при приобретении какой-либо вещи люди имеют в виду уже не себя, но других. О чем хлопочет тот, кто желает служить только собственному благу? Конечно, о том, чтобы приобрести как можно больше. Как приходится работать другим, чтобы удовлетворить его потребности, с этим он не считается. Ему приходится поэтому прилагать свои силы к борьбе за существование. Если я основываю предприятие, которое должно принести мне возможно больше дохода, то я не спрашиваю, каким образом приводятся в движение те рабочие силы, которые работают на меня.

Но если в расчет принимаюсь не я сам, а только то, как моя работа служит другим, тогда все меняется. Ничто не заставляет меня тогда предпринимать что-нибудь такое, что может послужить в ущерб другим. Тогда я отдаю свои силы на служение не себе, но другим. И это имеет последствием совсем иное раскрытие сил и способностей человека. О том, как это практически изменяет жизненные условия, мы скажем ниже.

* * *

Роберта Оуэна, жившего с 1771 по 1858 г., и о котором уже была речь выше, можно назвать в известном смысле гением в области практической социальной деятельности. У него было два качества, действительно определяющих это название: широта в понимании общественно полезных учреждений и благородная любовь к людям. Нужно только взглянуть на то, что ему удалось создать благодаря этим двум качествам, чтобы правильно оценить все их значение. Он создал в Нью-Леннарке образцовые промышленные учреждения и устраивал при этом работу в них таким образом, что рабочие жили не только в материальном, но и в моральном отношении в достойных человека условиях. В числе собравшихся у него людей были и люди опустившиеся и преданные пьянству. Он поместил среди них лучшие элементы, действовавшие на них своим примером, и достиг таким образом наилучших результатов, какие можно себе представить. То, чего Оуэн достиг здесь, отнюдь не позволяет нам ставить его на одну доску с другими более или менее фантастическими “исправителями мира”, так называемыми утопистами. Он держался в рамках практически исполнимых задач, относительно которых даже и не расположенный ни к какой мечтательности человек может предположить, что они способны – сначала в известной организационной области – удалить из мира человеческое бедствие. И нельзя назвать это непрактичностью, когда кто-нибудь питает веру, что такая маленькая область может подействовать, как образец, и может постепенно положить начало здоровому развитию человеческой участи в социальном отношении.

Сам Оуэн думал, конечно, так. Поэтому он решился сделать на этом пути еще один шаг дальше. В 1824 году он задумал создать в провинции Индиана в Сев. Америке своего рода маленькое образцовое государство. Он приобрел участок земли, на котором хотел основать построенную на свободе и равенстве человеческую общину. Все было устроено так, чтобы эксплуатация и порабощение были невозможны. Тот, кто приступает к подобной задаче, должен принести с собой самые лучшие социальные добродетели:

страстное желание сделать других людей счастливыми и веру в добрые свойства человеческой природы. Он должен держаться того мнения, что в этой человеческой природе сама собой разовьется охота к труду, если благие плоды этого труда будут обеспечены соответствующими учреждениями.

В Оуэне вера эта была так сильна, что понадобились очень тяжелые испытания, чтобы поколебать ее в нем.

И эти тяжелые испытания действительно наступили. После долгих и благородных усилий Оуэн вынужден был признать, что “осуществление подобных колоний всегда будет терпеть неудачу, если сначала не будут преобразованы нравы людей; и что скорее следует действовать на человечество теоретическим путем, чем путем практики”, - к такому взгляду привел этого общественного реформатора тот факт, что нашлось достаточное количество людей, не желавших работать и бывших не прочь свалить свою работу на других, благодаря чему неизбежно должны были возникнуть споры, борьба и в конце концов банкротство колонии.

Опыт Оуэна может послужить уроком для всех, желающих действительно учиться. Он помогает перейти от всех искусственно создаваемых и искусственно задумываемых для блага человечества учреждений к плодотворной и считающейся с истинной действительностью социальной работе.

Благодаря своему опыту Оуэн мог быть основательно исцелен от веры, что все человеческое бедствие вызывается только “дурными учреждениями”, в которых живут люди, и что добрые свойства человеческой природы выступают уже сами собою, если улучшать эти учреждения. Он принужден был убедиться, что хорошие учреждения могут вообще существовать лишь при условии, если участвующие в них люди по своей внутренней природе склонны сохранять их, если они горячо привязаны к ним.

Теперь могла бы прежде всего возникнуть мысль, что необходимо сначала теоретически подготовить людей, для которых хотят создать такие учреждения. Например, путем объяснения им правильности и целесообразности данных мероприятий. При некоторой непредвзятости нетрудно вычитать нечто подобное из признаний Оуэна.

И тем не менее к действительно практическому результату можно прийти только при более глубоком проникновении в сущность дела. От простой веры в добрые свойства человеческой природы, обманувшей Оуэна, следует перейти к действительному познанию человека. С какой бы ясностью люди ни представляли себе когда-либо целесообразность и благотворность для человечества тех или иных учреждений, вся эта ясность не может в конце концов привести к желанной цели, ибо из одного этого ясного понимания человек не извлечет внутренних побуждений к работе, если с другой стороны в нем будут сказываться влечения, основанные на эгоизме. Между тем, этот эгоизм входит пока в состав человеческой природы, и это приводит к тому, что, когда человеку нужно жить и работать в обществе других людей, то в чувствах его пробуждается эгоизм, в результате чего на практике большинство людей неизбежно будет считать самым лучшим общественным устройством такое, при котором каждый отдельный человек может наилучшим образом удовлетворять свои потребности.

Так под влиянием эгоистических чувств социальный вопрос неизбежно выливается в следующую форму: какое общественное устройство нужно создать для того, чтобы каждый мог пользоваться для себя плодами своей работы? Особенно в наше материалистическое время лишь очень немногие считаются с другой предпосылкой. Как

часто приходится слышать в качестве самоочевидной истины, что социальный порядок, опирающийся на благожелательность и человеческое сочувствие, является бессмыслицей. В гораздо большей степени считаются с мыслью, что все человеческое общество в целом лучше всего может процветать в том случае, когда каждый отдельный человек бывает в состоянии захватить в “полном” или в возможно большем объеме весь доход со своей работы.

Но совсем обратному учит оккультизм, основанный на более глубоком познании человека и мира. Он показывает, что все человеческое бедствие есть исключительно следствие эгоизма, и что во всякой человеческой общине неизбежно должны когда-нибудь воцариться бедствие, нищета и нужда, если эта община так или иначе основывается на эгоизме. Для понимания этого необходимы, без сомнения, более глубокие познания, нежели те, которые выступают там или здесь под флагом социальной науки. Эта “социальная наука” считается только с внешней стороной человеческой жизни, а не с более глубоко залегающими силами. Более того, у большинства современных людей нелегко было бы пробудить хотя бы только смутное сознание возможности говорить о подобных более глубоко заложенных силах. Люди смотрят как на непрактичного фантазера на всякого, кто заговаривает с ними о подобных вещах. Однако, нам нельзя будет даже и попытаться развить социальную теорию, построенную на более глубоко заложенных силах, ибо для этого необходимо было бы обстоятельное сочинение. Можно сделать только одно: можно указать на истинные законы совместной жизни и работы людей и показать, какие разумные социальные возможности откроются для того, кто познал эти законы. Полное понимание дела может получить только тот, кто усвоит свое основанное на оккультизме мировоззрение. Этого нельзя ожидать от простой статьи по “социальному вопросу”. Все, что может поставить себе задачей такая статья, это пролить с оккультной точки зрения свет на данный вопрос. Ибо всегда найдутся люди, которые чувством своим признают правильность того, что приходится изложить здесь кратко, и чего нельзя изложить во всей полноте.

Основной социальный закон, который указывается оккультизмом, гласит:

Благо сообщества работающих вместе людей тем больше, чем меньше отдельный человек притязает для себя на плоды своей работы, то есть, чем больше он отдает из этих плодов другим соработникам, и чем больше его потребности удовлетворяются не из его собственной работы, а из работы других. Все учреждения внутри какого-нибудь сообщества людей, противоречащие этому закону, так или иначе неизбежно порождают с течением времени бедствия и нужду.

Этот основной закон господствует в социальной жизни с такой же безусловностью и необходимостью, как любой закон природы во всякой определенной области природной жизни. Мы не должны думать, будто достаточно признать за этим законом всеобщее моральное значение или же превратить его в убеждение, что каждый должен работать на своих собратий. Нет, в действительности этот закон живет должным образом только тогда, когда какому-нибудь сообществу людей удастся создать такие учреждения, в которых никто не может притязать на себя на плоды своей собственной работы, но эти плоды по возможности без остатка идут на пользу всего человечества. За то и каждый член его, в свою очередь, должен поддерживаться работой своих братьев. Итак, дело в том, чтобы работа на ближних и достижение известной прибыли были строго разделены друг от друга.

Те, которые мнят себя “практическими людьми”, конечно, только улыбнутся, - оккультист может быть в этом уверен, - над таким “невероятным идеализмом”. И, тем не

менее, указанный закон практичнее всякого другого, когда-либо измышленного и введенного в действие “практиками”. И всякий действительный исследователь жизни может найти, что каждое сообщество людей, где-либо существующее или когда-либо существовавшее, имеет двоякого рода учреждения. Одна часть их соответствует этому закону, другая противоречит ему. Так происходит неизбежно повсюду, безразлично, хотя бы этого люди или нет. Всякое сообщество тотчас распалось бы, если бы в целое не вливалась работа отдельных лиц. Но и человеческий эгоизм также искони перекрещивался с этим законом. Он всегда стремился извлечь для отдельного человека возможно больше выгоды из его работы. И только то, что вытекало таким образом из эгоизма, всегда имело своим последствием нужду, бедность и нищету. Но ведь это значит только то, что та часть человеческих учреждений, которая создавалась “практиками” в расчете на свой собственный или на чужой эгоизм, неизбежно оказывалась непрактичной.

Но дело не может состоять, конечно, только в том, чтобы понять этот закон; настоящая практика начинается с вопроса: как обратить его в действительность? Ясно, что этот закон утверждает не более и не менее, как то, что благо людей тем больше, чем меньше эгоизм. Таким образом, при осуществлении его надо помнить, что мы имеем дело с людьми, ищущими пути выхода из эгоизма. Но это совершенно неосуществимо практически, если мера блага и бедствия отдельного человека будет определяться его работой. Кто работает для себя, тот неизбежно впадает в эгоизм. Только тот, кто работает всецело на других, может стать мало-помалу неэгоистическим работником.

Но для этого необходима еще одна предпосылка. Когда человек работает на другого, он должен видеть в этом другом основание для своей работы; и если кто-нибудь хочет работать на сообщество, он должен тогда чувствовать и ощущать ценность, сущность и значение этого сообщества. Это возможно только в том случае, если сообщество является для него еще чем-то совсем другим, чем только более или менее неопределенной совокупностью отдельных людей. Оно должно быть исполнено действительного духа, в котором каждый принимает участие. Оно должно быть таким, чтобы каждый сказал себе: оно правильно, и я хочу, чтобы оно было таким. Человеческое сообщество должно иметь духовную миссию, и каждый отдельный человек должен содействовать исполнению этой миссии. Все неопределенные абстрактные идеи прогресса, о которых говорят обыкновенно, не могут представлять собой подобной миссии. При господстве одних только этих идей, отдельные лица или отдельные группы людей будут работать в разных местах без возможности посмотреть, для чего нужна их работа, если не считать той выгоды, которую получают при этом они и их близкие, или же тех интересов, которые связывают их с этой работой. И во всех, вплоть до каждого отдельного человека, должен быть жив этот дух сообщества.

Добро всегда пускало корни лишь там, где так или иначе осуществлялась такая жизнь духовного сообщества. Каждый гражданин древнегреческого города, и даже гражданин свободного города в средние века, имел еще смутное чувство этого духа сообщества. И если, например, соответствующие учреждения древней Греции возможны были только потому, что имелись целые армии рабов, которые исполняли все работы за “свободных граждан”, и побуждались к этому не духом сообщества, а насильственной властью своих господ, то это не может служить возражением против сказанного. На этом примере можно научиться только одному, что человеческая жизнь подлежит развитию, и в настоящее время человечество достигло той ступени, где такое решение общественного вопроса, какое было в древней Греции, было невозможным. Даже благороднейшим грекам рабство казалось не несправедливостью, а человеческой необходимостью, поэтому, например, великий Платон мог выставить идеал государства, в котором дух сообщества выставлялся таким образом, что рабочее большинство людей принуждалось к работе небольшим

числом мудрых. Но задача настоящего времени – привести людей в такое положение, чтобы каждый по своему внутреннему побуждению совершал работу для общества.

Поэтому никто не должен думать о том, чтобы найти пригодное для всех времен решение социального вопроса, но исключительно о том, как должна сложиться его социальная мысль и деятельность, принимая во внимание непосредственные потребности того времени, в котором он живет. Вообще теперь никакой отдельный человек не может теоретически придумать или осуществить в действительности ничего такого, что само по себе могло бы разрешить социальный вопрос. Для этого ему понадобилось бы употребить власть и принудить некоторое количество людей вступить в созданные им условия. Ибо, без сомнения, если бы у Оуэна была власть или желание принудить всех членов своей колонии к исполнению приходящейся на их долю работы, то дело его должно было пойти. Но о таком принуждении как раз в настоящее время не может быть и речи. Нужно создать такую возможность, чтобы каждый добровольно делал то, к чему он призван, по мере возможностей и сил. Но именно потому и не может быть никакой речи о том, чтобы повлиять на людей “в теоретическом смысле”, в духе вышеприведенного признания Оуэна, то есть просто сообщить им правильное мнение о том, как лучше всего складываются экономические условия. Трезвая экономическая теория не может быть никогда средством против эгоистических сил. В течение некоторого времени эта экономическая теория может сообщать массам известный подъем, по-видимому, сходный с идеализмом. Но в конце концов эта теория никому не сможет принести пользы. Кто внушает массе людей подобную теорию, не давая чего-либо другого, действительно духовного, тот согрешает перед истинным смыслом человеческого развития.

Единственное, что может помочь – это духовное мировоззрение, которое само собою, а также и тем, что оно может дать, влияет в чувства, в волю, словом, во всю душу человека. Вера Оуэна в добрые качества человеческой природы правильна только отчасти, в другой же части своей она – одна из злейших иллюзий. Она правильна в том смысле, что в каждом человеке дремлет “высшее я”, которое может быть пробуждено. Но оно может быть освобождено из своей дремоты только мировоззрением, обладающим вышеуказанными свойствами. Если привести людей к таким учреждениям, как они были задуманы Оуэном, то община расцветет в самом лучшем смысле. Но если соединить людей, не имеющих такого мировоззрения, тогда добрые стороны этих учреждений рано или поздно неизбежно обратятся во зло. И именно у людей без мировоззрения, направленного к духовному, учреждения, способствующие материальному благополучию, должны с необходимостью вызвать также и усиление эгоизма, и тем самым мало-помалу породить нужду, бедствие и нищету. Это верно и в самом подлинном значении слова: только отдельному человеку можно помочь, давая ему просто хлеб; сообществу же можно дать хлеб, только помогая ему составить мировоззрение. И это не принесло бы никакой пользы, если бы мы захотели дать хлеб каждому отдельному члену сообщества: через некоторое время дело, тем не менее, сложилось бы так, что многие снова остались бы без хлеба.

Понимание этих основных законов отнимет, конечно, немало иллюзий у тех, которые хотели бы стать благодетелями народа, ибо оно делает работу над социальным благом довольно трудной задачей, и к тому же такой, что успех складывается при известных условиях лишь из совсем ничтожных, частичных успехов. Большая часть того, что выдается сейчас целыми партиями за панацею в социальной жизни, теряет свою цену, оказывается заблуждением и пустыми разговорами без достаточного знания человеческой жизни. Никакой парламент, никакая демократия, никакая массовая агитация, ничто подобное не может иметь никакого значения для того, кто смотрит глубже, – если оно нарушает указанный закон. И все это приводит к благоприятному результату только тогда, когда

действует в духе означенного закона. И думать, что какие-нибудь народные представители в парламенте могут чем-нибудь содействовать благу человечества, если деятельность их не соотнобразуется с духом основного социального закона, является опасной иллюзией.

Где бы ни проявлялся этот закон, где бы кто ни действовал в его духе, насколько это возможно в его общественном положении, - там всюду достигается благо, хотя бы в отдельных случаях и в самой незначительной мере. И только из отдельных действий, осуществляемых таким образом, складывается благодетельный общий социальный прогресс. Конечно, бывает и так, что в отдельных случаях более крупные сообщества людей обладают особым предрасположением к тому, чтобы достигнуть в указанном направлении сразу большого успеха. Уже и теперь существуют сообщества людей, в которых подготавливаются подобные задатки. Они делают возможным для человечества совершить с их помощью как бы резкий шаг вперед, как бы скачок в социальном развитии. Окультизму известны такие сообщества людей; однако открыто говорить о таких вещах не входит в его задачу. И существуют также средства подготовить более крупные массы людей к подобному скачку, который может быть совершен уже в не столь отдаленном будущем. Но что может сделать каждый, это действовать в своей области в духе указанного закона. Нет такого положения для человека в мире, как бы ни было оно по видимости незначительно или, напротив, влиятельно, в котором это было бы невозможно.

Самое важное, чтобы каждый искал путей к мировоззрению, направленному на истинное познание духа. Теософское духовное течение может развиваться в такое мировоззрение для всех людей, если оно все больше и больше будет разрабатываться соответственно его содержанию и заложенным в нем задаткам. Благодаря ему человек может узнать, что он не случайно родился в том или ином месте и в то или иное время, но что он с необходимостью поставлен законом духовной причинности (кармой) на то место, где он находится: он сможет понять, что его судьба, имеющая свои действительно глубокие основания, поставила его в то сообщество людей, в котором он находится. Также и относительно своих способностей он может узнать, что они достались ему не по слепому случаю, но что они получают свой смысл благодаря закону причинности.

И он сможет понять все это, так что это понимание не останется делом одного только трезвого рассудка, но постепенно наполнит всю его душу внутренней жизнью. И в нем пробудится чувство, что он осуществляет некий высший смысл, работая сообразно своему месту в мире и своим способностям. Не призрачный идеализм последует из этого понимания, но могучий импульс для всех его сил, и он будет смотреть на такую деятельность в этом направлении как на нечто столь же само собой понятное, как - в другом отношении - еда и питье. И, далее, он узнает смысл, связанный с сообществом людей, к которому он принадлежит. Он поймет те отношения, в которые его сообщество ставит себя к другим, и так отдельные духи этих сообществ соединяются в один исполненный духовной цели образ единой миссии всего человеческого рода. От человеческого рода его познание может перенестись и к смыслу существования всей земли.

Только тот, кто не вдумывается в намеченное в этом направлении мировоззрение, может сомневаться в том, что оно должно действовать так, как это здесь показано. В настоящее время у большинства людей оказывается, конечно, мало склонности согласиться с чем-либо подобным. Но теософский образ мыслей неизбежно будет захватывать все более и более широкие круги, и в той мере, в какой он будет распространяться, люди будут находить верные средства содействия социальному прогрессу. В этом нельзя сомневаться на том основании, что до сих пор, по-видимому, ни

одно мировоззрение не приводило за собой счастья человечества, ибо по законам развития человечества ни в одну из более ранних эпох не могло наступить того, что отныне постепенно будет становиться возможным, - сообщение всем людям мировоззрения с надеждой на означенный практический успех.

Прежние мировоззрения были доступны только отдельным группам людей, однако, все доброе, что происходило доселе в человеческом роде, проистекало все-таки из мировоззрений. Ко всеобщему благу может привести только такое мировоззрение, которое способно охватить все души и зажечь в них внутреннюю жизнь. И это будет в состоянии сделать теософский образ жизни везде, где он действительно отвечает своим задачам. Конечно, нельзя просто ограничиваться той формой, которую уже принял этот образ мыслей, чтобы признать сказанное верным; необходимо понять, что теософия должна еще сначала развиваться и подняться к своей высокой культурной миссии.

До сих пор она по многим основаниям не может показать того лица, которое она некогда явит. Одно из этих оснований то, что она должна сперва где-нибудь утвердиться. Поэтому она должна обратиться к определенной группе людей. Естественно, что это не может быть иной группой, кроме той, которая благодаря особенной природе своего развития томится по новому решению мировых загадок, и которая благодаря предварительному образованию объединенных в ней лиц может встретить это решение с пониманием и участием. Само собою понятно, что теософия принуждена предварительно облекать свои сообщения в такой язык, который соответствует указанной группе людей, но, по мере того, как этого потребуют дальнейшие условия, теософия найдет формы выражения, чтобы говорить также и к другим кругам. Только тот, кто непременно хочет иметь готовые неподвижные догмы, может полагать, что современная форма сообщений теософии неизменна или даже единственно возможная. Теософия должна медленно работать таким образом именно потому, что дело не может идти для нее только о том, чтобы оставаться просто теорией или удовлетворять только жажде знания, - к ее целям принадлежит также и указанная выше практическая сторона человеческого развития. Но этот успех человеческого развития она может вызвать только путем создания действительных пригодных для него условий, и эти условия не могут быть созданы иначе, как путем завоевания одного человека за другим. Только когда люди хотят этого, мир идет вперед. Но для того, чтобы они хотели, необходима душевная внутренняя работа в каждом, а эта работа может совершаться лишь шаг за шагом. Если бы это было не так, то и теософия не могла бы создать в социальной области ничего, кроме воздушных замков, и не была бы в состоянии совершить никакой практической работы.